

Голос отчаяния

Папков Сергей

Обращение сибирских писателей к секретарю крайкома Р. И. Эйхе летом 1933 года

Файл: [07_papkov_go.zip](#) (29.94 КБ)

Судьба провинциального писателя, поэта, художника и вообще творческого человека в сталинском государстве столь же своеобразна, как и сама история советской культуры. Это не только пример выживания в тяжелых материальных условиях, в условиях постоянной угрозы в момент потерять все, что создается годами творческого труда, но еще и поразительный опыт взаимоотношений с государством, испытание неотвратимого и удушающего диктата деспотической власти, проникающего в повседневные интересы художника и даже в его психологию. В глубинной России — особая атмосфера. В отличие от столиц здесь всегда было меньше политической и творческой свободы, гораздо беднее жизненные ресурсы и больше зависимости художника от воли и вкусов бюрократии. В подобных условиях творческая личность быстрее растрчивает свой природный потенциал и нередко становится частью общей системы сервильности, а ее язык — главный инструмент самовыражения — превращается в разновидность советского официоза.

В публикуемом ниже материале мы знакомим читателя с документом, раскрывающим малоизвестную сторону жизни сибирских писателей и поэтов в 1930-х годах, в эпоху борьбы за продуктовый паек и за «большие колхозные романы». Этот документ — письмо-обращение молодых литераторов к секретарю Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Роберту Эйхе¹ с набором творческих предложений, жалоб и личных просьб.

Письмо было рождено характерными событиями переживаемой эпохи. Коллективизация деревни уничтожила производство продуктов питания в стране вместе с частью самих производителей, а колхозы еще не превратились в «фабрики зерна и мяса». Поэтому постоянный голод и материальная нужда стали нормой для большинства людей. Всеобщее бедствие, конечно, не обошло стороной и формирующийся слой советских писателей. Именно этой проблеме — личного физического выживания в условиях голода, а заодно и поддержке писательского труда — посвящено обращение литераторов к главному лицу в советской иерархии в Сибири.

Молодые литераторы, адресовавшиеся к Эйхе, сегодня хорошо нам известны. Среди них — Глеб Пушкарев, Кондратий Урманов, Владимир Вихлянец, Георгий Вяткин, Афанасий Коптелов, Георгий Павлов, Илья Мухачев, Василий Непомнящих и другие. Однако в 1933 г. у них еще нет широкого признания, они только вступают в литературную жизнь. Они полны творческих сил и широких замыслов, готовы, как сами подчеркивают, служить литературе, создавать смелые и глубокие произведения о новой советской жизни, меняющемся быте и новом поколении счастливых людей.

Но не все идет гладко. На пути молодой литературы и ее творцов встают непреодолимые трудности, о которых не знали и при царском режиме. Эти трудности вовсе не творческого характера; они порождены царящим советским хаосом и всеобщим дефицитом: нет ни бумаги, ни издателей, ни бытовых условий для повседневного труда, нет даже нормального пропитания. Все это куда-то внезапно исчезло, хотя еще несколько лет назад существовало, обеспечивая естественный рост советской литературы в провинции.

Очевидно, что положение литераторов достигло нестерпимой остроты, и они решили писать главному партначальнику. В подготовленном ими документе любопытным является все от начала до конца: и замысел, и содержание, и стилистическая форма. Основное, что обращает на себя внимание, — это полная, почти физическая зависимость творческих деятелей от тех, кто распоряжается благами. За скупыми, но выразительными строками письма отчетливо видна глубина проблемы: чтобы начать серьезную литературную работу, нужно добиться покровительства властей, нужно попасть в какой-нибудь счастливый список на получение прожиточного пайка, без которого ни романы, ни поэмы не пишутся.

Нетрудно увидеть также, что письмо готовилось без особого внимания к стилистическим деталям и, вероятно, в некоторой спешке. В нем нет ни яркого писательского слога, ни оригинальных оборотов. Здесь присутствует иной подход. Это — советская челобитная,

составленная в критический момент, и потому форма здесь особого рода. Стилистика письма отчетливо напоминает партийно-бюрократический язык и лишь подчеркивает стремление авторов быть более понятными и близкими хозяину. Отсюда — необычный для пишущих людей суконный стиль и словесные обороты: «проработка основных задач», «поднятие квалификации», «развертывание творческой работы», «углубление тематики» и т. п. Кроме того, по какому-то особому правилу авторы пишут с прописной буквы слова «Крайком», «КрайИсполком», «Горком» и даже «Закрытый распределитель», придавая этим символам власти и сытости почти сакральный характер.

Рассчитывая на поддержку секретаря Эйхе, литераторы рассказывают ему о деталях своего труда и о том, что труд их может быть полезен партии для «перевоспитания душ». Но для этого требуется некоторый минимум: возможность издавать свою газету, печатать журналы и книги в Сибири, иметь бумагу (хотя бы самого низкого качества) и, наконец, решить материально-бытовые проблемы. Этой части послания уделяется очень серьезное внимание. Авторы скрупулезно разбирают факты своих потерь в ежедневном питании, отмечают различия в категориях пайков («литер А», «литер Б»), перечисляют номера отведенных для них столовых. Становится ясно, что их жизненная ситуация действительно настолько тяжела, что всякие творческие планы становятся трудноисполнимы.

На просьбы писателей и поэтов Эйхе ответил вполне в духе времени, очевидно так, как и должен был отреагировать полномостный большевистский хозяин. На первой странице обращения он написал: *«Тов. Колотилу². Нужно этот вопрос внести на бюро. Причем по основным вопросам необходимо вынести положительное решение. Р. Эйхе»*.

Текст письма-обращения воспроизводится без каких-либо правок и изменений, с сохранением особенностей стилистики и орфографии первоисточника.

* * *

Секретарю краевого комитета ВКП(б)
Тов. ЭЙХЕ

Дорогой Роберт Индрикович!

Зная, какое огромное значение придает коммунистическая партия вопросам художественной литературы и то, что Иосиф Виссарионович Сталин лично сам проводил ряд встреч с советскими писателями по проработке основных задач, стоящих перед советской художественной литературой, мы — писатели Зап. Сиб. Края решили обратиться к Вам, Роберт Индрикович, с настоящим письмом с тем, чтобы осветить ряд моментов, тормозящих развертывание творческой работы здесь, в Зап. Сиб. Крае.

Если до постановления ЦК от 23-го апреля 1932 г. о перестройке литературно-художественных организаций, здесь в Зап. Сиб. Крае существовали различные организации и группы (АПП, РОПК, ВССП, ЛОКАФ и т. д.), работавшие в нездоровой обстановке выдвижения одних и затирания других, в обстановке недоверия писателям-производственникам, не входившим в РАПП, то после постановления ЦК от 23-его апреля 1932 г. это положение резко изменилось. Стерлись искусственные перегородки и все писатели были объединены возле Оргкомитета ССП³.

Постановление ЦК от 23-го апреля 1932 г. сыграло огромную роль в части поднятия и оживления творческой работы, поднятия квалификации писателя, углубления тематики и политических установок произведения, а также в части возвращения писателей-производственников, отошедших, по независящим от них обстоятельствам, от литературы, к творческой работе.

В итоге одного только года мы видим ряд крупных полотен и произведений, сделанных писателями Зап. Сиб. Края. Писатель Коптелов А. закончил роман «Светлая кровь» о Турксибе и Казакстане и сейчас пишет новый роман «Великое кочевье», рисующий перестройку Ойротии. Г. Павлов закончил пьесу о Кузнецкстрое «Мартин и Жанес»; В. Вихлянец — пьесу «Страна процветания», Г. Пушкарев заканчивает производственную пьесу «Ошибка инженера Шацкого» и для детского театра «Отряд партизана Ломова». Поэт Непомнящих выпустил из печати два сборника стихов «Покорение тайги» (Новосибирск) и «Огнеупор» (Москва). Поэт Мухачев печатает сборник своих стихов и т. д. Местным ОГИЗом⁴ намечено в плане 14 названий сибирских писателей.

Если сравнить продукцию этого года с предыдущими годами, то мы видим: сухой, едва влачащий существование журнал «Сибирские Огни» задерживался сдачей в печать из-за отсутствия материала, сейчас «Сибирские Огни» обеспечены материалом более чем на 5 года.

За последние годы не выпущено ни одной книги сибирских писателей, кроме 3—4 сборников случайных отрезков и кусков из произведений разных писателей Края. Теперь мы знаем, в портфеле ОГИЗа более 10 готовых к печати рукописей.

Все это говорит об огромнейшем значении постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля в деле разветвления художественной литературы.

Но, Роберт Индрикович, надо прямо сказать, что в качественном отношении мы добились еще малого, мы бьемся за качество, мы бьемся за глубину и выдержанность произведения. Нашу продукцию этого года трудно даже сравнивать с продукцией предыдущих лет. Продукция сегодня значительно выросла, далеко шагнула вперед в смысле техники, классовой выдержки, углубленности содержания и т. д.

И это понятно. Писатель, наблюдавший жизнь из окна, отошел в область предания. Писатель сейчас непосредственно работает на производстве, в колхозе, совхозе, он изучает жизнь, производство там и только после этого, после анализа всего виденного, собранного, изученного на литературе и материале, садится за работу. Писатель Ф. Бубеннов сам был инициатором и организатором колхоза «Сибирские Огни» в Троицком районе. Писатель Непомнящих месяц жил с бригадами в колхозном поле. Писатели Итин, Кудрявцев, Алексеев, Мухачёв непосредственно работали с колхозниками. Тоже и на производстве. Писатель Гишликович ездил с выездной редакцией по колхозам. Наконец, группа писателей принимала активное участие по обслуживанию колхозного съезда, за что была премирована редакцией газеты «Советская Сибирь».

Организуются постоянные выезды, командировки, поездки с редакцией «Советской Сибири». Встречи с рабочими и колхозниками. Непосредственная живая связь, общение с производством, с живыми людьми. Вот это-то и дало писателю новый настоящий материал для крупных, продуманных произведений.

Но в работе сибирского писателя встречается ряд огромнейших трудностей, о которых мы считаем необходимым сказать здесь с определенной целью привлечь внимание к ним партии и общественности, с целью разрешения их в Краевом масштабе и частично затронуть чисто бытовые условия писателя, которые также мешают творческой работе писателя.

Оргкомитет объединяет до 10 крупных литературных групп в городах и рабочих поселках и более 40 литературных кружков в колхозах, совхозах, на производствах и т. д. Надо прямо сказать, что литкружков в Крае не 40, а сотни, но они еще не учтены, не учтены и Оргкомитетом. Мы узнаем, что в разных районных газетах выходят литстранички, что в различных районах работают литкружки и работают неплохо. Ряд литкружков сыграл значительную роль в посевной кампании, а сейчас готовятся к уборочной. Мы знаем, что с помощью литкружков ликвидировались прорывы на производстве (Сталинск) и т. д.

Этой массой, чрезвычайно важной, активной, нужной массой необходимо руководить, а мы не имеем своего органа, своей многотиражки — литгазеты. Омск выпустил 6 номеров литературной газеты, в Троицком районе выходит литгазета, в Уст-Чарышской пристани раз в пятидневку выходит литстраничка. В колхозных кружках выходят рукописные литгазеты. В их руководстве много неправильностей, искажений, но Зап. Сиб. Краевой Оргкомитет не имеет своей газеты, не может охватить их своим руководством. Отдел печати и Комитет по делам печати говорят, что на эту газету нет бумаги. Но обратимся к простому подсчету. При тираже в 2000 при выходе газеты 2 раза в месяц потребуется 24 стопы бумаги в год. Мы не претендуем на белую бумагу, мы согласны на водорослевую, мы пойдем на газетный срыв⁵. Но нельзя массовое литературное движение оставить без руководства. Те письма, которые мы рассылаем сейчас по 40 точкам — отнимут бумаги больше, чем литгазета.

Вот это первый вопрос, который мы считаем насущнейшим и необходимым поставить перед Вами, перед Крайкомом партии.

Второй вопрос об издательстве. Мы уже говорили о том, что в плане Краевого ОГИЗа поставлено 14 названий сибирских писателей. Заключены договора, 80 % рукописей сдано авторами в ОГИЗ, и вот сейчас, когда уже часть рукописей набрана, КрайГИЗ из Москвы предлагает снять совсем 8 названий, очевидно потому только, что в своих заголовках они не

имеют слова «Сибирь». Роман Коптелова «Светлая кровь» снимают, а очерки начинающего писателя Пушина «Наступление на север» — оставляют, а ведь «Светлая кровь» — разрешение проблемы Турксиба.

В то же время, когда сибирские писатели шлют свои произведения в Москву, им возвращают их рукописи обратно с надписью: «у вас есть свое издательство».

Получается заколдованный круг: КрайОГИЗ (Москва) зачеркивает планы, ОГИЗ (Москва) возвращает рукописи для напечатания здесь. Из плана 20 названий детской книжки КрайГИЗ зачеркнул все 20, оставив Сибирь без детской книги. Правда, Зап. Сиб. Огиз продолжает печатать сибирских писателей вопреки запрещению центра, но ведь это не гарантия, что завтра КрайГИЗ не прекратит высылку бумаги, закроет счета ОГИЗа за то, что он не подчиняется требованиям КрайГИЗа. Такие случаи уже бывали.

В ближайшие месяцы Зап. Сиб. Край встанет перед вопросом составления издательского плана на 1934 г. и весьма возможно, что из плана 1934 г. всю художественную литературу КрайГИЗ вычеркнет бесповоротно.

Мы ставили неоднократно этот вопрос на Оргкомитете, мы пытались поставить его через газету «Советская Сибирь», мы написали по этому поводу обстоятельное письмо в центральный Оргкомитет, но почему-то это письмо Оргкомитетом не было отослано в Москву.

Вопрос об издании художественной литературы, особенно после постановления ЦК от 23 апреля 1932 г. в связи с развертыванием литературной работы на местах имеет чрезвычайное значение и мы считаем необходимым поставить его перед Вами. Мнение Краевого Комитета Партии о необходимости издания художественной литературы в Западной Сибири будет иметь большое значение для местного ОГИЗа и КрайОГИЗа в Москве.

Теперь несколько слов о полиграфии Зап. Сиб. Края. Типографии Края находятся в ужасном состоянии. Для издания доброкачественной продукции нет совершенно никакого оборудования. Машины переходят в полную ветхость. Нужно немедленно ставить вопрос о переоборудовании типографий, о снабжении их новыми машинами.

Художественная литература в наших условиях не может иметь того технического оформления, как центральная.

Переходя к вопросу о дальнейшем развертывании советской художественной литературы в Крае, мы считаем нужным остановиться на следующих двух моментах.

В художественной литературе слишком мало отражен наш край. А между тем Зап. Сиб. Край, закончивший победоносно посевную кампанию, строящий (так в тексте. — С. П.) Кузбасс, Кузнецкстрой имеет все права на более значительное освещение его в литературе.

Если мы обратимся к Москве, то увидим, что сотни писателей в этом году разъехались по всему СССР с заданиями Наркоматов исследовать ту или другую область народного хозяйства СССР.

Но Западная Сибирь совершенно не изучается своими писателями, которые лучше и больше знают свой Край и которые с помощью соответствующих отделов и специалистов могли бы дать ценный материал.

Мы полагали бы, что Краевые организации должны привлечь сибирских писателей к написанию ряда серьезных книг о Зап. Сиб. Крае. Такая книга нужна и наши Краевые организации должны подумать о создании ее путем увязки ее с сибирскими писателями, путем выделения на это нужных средств и предоставления длительных командировок в колхозы, совхозы и предприятия.

И второй момент, не терпящий отлагательств — обслуживание писателями осенне-уборочной кампании.

Краевые организации должны учесть это обстоятельство с тем, чтобы советские писатели края командировались на уборочную за счет тех учреждений, где они работают (не считая командировку за отпуск), а писатели живущие исключительно на литературный труд — за счет КрайЗУ⁶.

Вот те основные моменты, которые по нашему мнению, помогут делу развертывания советской художественной литературы в Крае.

Разрешите теперь остановиться на ряде материально-бытовых моментов, которые не только не способствуют работе, но тормозят, а подчас и останавливают ее.

Не говоря уже о Москве, где писатели поставлены Правительственными установлениями в прекрасное положение: даны квартиры, специально писательский паек и т. д., в Северо-Кавказском и Уральском краях сделали много для писателя.

Этого нет пока у нас в Западно-Сибирском Крае.

Начнем с квартирных условий.

Писатель Урманов — автор книги «Гневные годы» и др. живет с женой в каморке в 4 кв. метра. Каждый год его пытаются выбросить из этой каморки судом, был случай, когда милиция выбросила все вещи т. Урманова и куда-то увезла их. Только вмешательство прокурора и «Советской Сибири» заставили милицию возвратить вещи обратно. Два года т. Урманов из-за квартирных условий не может закончить большого колхозного романа.

Такое же положение у писателя Ершова.

Писатель Пушкарёв для работы над литературным произведением вынужден отсылать семью в деревню, иначе в его квартире нельзя работать.

Нечто подобное имеется и у других писателей.

Не один раз мы обращались в КрайИсполком, в Горсовет за разрешением жилищного вопроса, но он так и остается висящим в воздухе. Правда, писатели Кудрявцев и Итин получили квартиры в доме профсоюзов, Мухачёв комнату в доме строительства, Абрамович — в стандартном доме, но это явилось лишь частичным разрешением вопроса.

В Ростове н/Д, Москве, в Свердловске писатели обеспечены квартирами полностью.

Мы просили бы здесь хотя бы о частичном снабжении нас квартирами, а затем о включении нас в строящиеся (так в тексте. — С. П.) дома общежития, куда нас не принимают, так как мы не имеем юридического лица и средств на вложение их в строительство. Мы не отказываемся от выкупа квартиры, но денег на строительство дать не можем.

Второй очень большой бытовой вопрос — питания и снабжения предметами широкого потребления. Он имеет большую историю. В 1932 г., после встречи с Секретарем Крайкома ВКП(б), тов. Лаврентием⁷, 18 писателей активистов (из общего числа в 38 человек), было прикреплено к Закрытому распределителю КрайИсполкома Лит. Б и два — лит. А. Мы получали муку, масло сахар, крупы и т. д. В декабре 1932 г. этот распределитель перешел к Акорту⁸ и положение писателей резко ухудшилось. Из 18 чел. в распределителе было оставлено только 14 и то по последней категории. Писателям прекратили выдачу муки, масла, сахара и др. прод., в то время как шоферам, бухгалтерам эти продукты выдаются в этом же распределителе. Мы пользуемся только рынком.

В 1932 г. мы получали 40 обедов в столовой № 8, 12 — в столовой № 7 и 12 — в столовой № 9. В этом году нам дали 31 обед в столовой № 8 и 8 обедов в стол. № 9. Большинство из нас не получают никаких обедов. В мае Акорт пытался вычеркнуть и последних из нас и только вмешательство пом. Секретаря КрайИсполкома заставило их отказаться от этой мысли.

В первых числах апреля Оргкомитет обратился в КрайИсполком с особым письмом, в котором просил принять делегацию писателей. День приема делегации переносился по меньшей мере раз 10. Делегация писателей была принята Зам. Председателя КрайИсполкома тов. Зайцевым² только 2-го июня, где изложила все эти положения. Тов. Зайцев обещал «что-нибудь сделать» для улучшения снабжения писателей, но принять делегацию для ответа отказывается до сих пор. Прошло три месяца со дня письма в КрайИсполком и месяц после посещения тов. Зайцева, но все остается в прежнем положении.

Мы все — члены профсоюза, но мы лишены многих прав членов профсоюза. Организации получают снабжение через коллективы, имеют право пошивки одежды, обуви и т. д., но мы не объединены в Местком и потому лишены права на эти привилегии. Горком писателей, существующий во всех Краевых центрах — здесь до сих пор не организован.

Все эти вопросы ставились неоднократно на заседаниях Оргкомитета, поручалось их разрешить нашим руководителям, но все оставалось и остается на бумаге.

Вот почему, Роберт Индрикович, сознавая, что мы должны были все эти вопросы поставить перед Оргкомитетом, мы все же решились обратиться с этим письмом к Вам.

Такое материально-бытовое положение ведет к нехорошей тенденции, к стремлению писателя уйти в другие края и области.

В середине мая Оргкомитет получил из Москвы письмо за подписью писателей Е. Пермитина, Н. Чертовой, М. Никитина и Л. Сейфуллиной, в котором говорилось о больном

писателе П. Стрижкове. Письмо заканчивалось словами о том, что ряд писателей-сибиряков уехали в Москву раньше времени потому, что в Сибири они не имели ни квартир, ни снабжения. В Москве же они нашли и то и другое. Среди писателей нередко можно услышать:

— Надо уезжать из Сибири... хотя бы на Урал.

Мы считаем эти настроения нездоровыми. А. М. Горький правильно писал в письме В. Итину, что необходимо «воспитание областной культурной интеллигенции».

Наше творчество связано с социалистической Сибирью. Мы хотим, чтобы наши произведения «перевоспитывали души», о чем говорил Иосиф Виссарионович в беседе с советскими писателями в октябре 1932 г.

Пушкарёв, В. Вихлянцев, Гудошников, Георгий Павлов,
Г. Куликов, И. Мухачёв, Кондр. Урманов, А. Коптелов,
Г. Вяткин, Ник. Титов, Вас. Непомнящих

Источник: ГАНО. Ф. П. 3. Оп. 13. Д. 109. Л. 239—244.

¹**Эйхе Роберт Индрикович** — советский партийный и государственный деятель. В 1925—1929 гг. — председатель Сибирского крайисполкома. В 1929—1937 гг. — 1-й секретарь Сибкрайкома (с 1930 г. — Запсибкрайкома) ВКП(б); одновременно — 1-й секретарь Новосибирского горкома ВКП(б) (с мая 1937 г.). С октября 1937 г. по апрель 1938 г. — нарком земледелия СССР. Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) (1935—1938). В апреле 1938 г. арестован по обвинению в антисоветской деятельности. В феврале 1940 г. расстрелян в Москве.

²**Колотилов Александр Иванович** — партийный работник. В 1931—1933 гг. — заведующий культ.-проп. отделом Запсибкрайкома ВКП(б). В июле 1937 г. арестован по обвинению в антисоветской деятельности. В октябре 1937 г. расстрелян в Новосибирске.

³Речь идет о радикальной перестройке творческих объединений в СССР в 1932 г. по инициативе и при участии Сталина, завершившейся ликвидацией конкурировавших и часто враждовавших друг с другом различных писательских организаций, а также объединением всех литераторов в единый Союз советских писателей (ССП). Эти меры, оформленные постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций», привели к тому, что писательское сообщество окончательно попало под партийно-государственный контроль. Оргкомитеты — временные руководящие органы в региональных организациях ССП.

⁴ОГИЗ — Объединение государственных книжно-журнальных издательств, существовавшее с 1930 по 1949 г.

⁵Газетный срыв — отходы типографского производства, макулатура.

⁶КрайЗУ — краевое земельное управление.

⁷**Картвелишвили Лаврентий Иосифович** — 2-й секретарь Запсибкрайкома ВКП(б) в 1931—1933 гг. В 1933—1936 гг. — 1-й секретарь Дальневосточного крайкома ВКП(б), затем — секретарь Крымского обкома ВКП(б). В июле 1937 г. арестован по обвинению в антисоветской деятельности. Расстрелян.

⁸«Акорт» — Акционерное общество розничной торговли. Действовало в Сибири с 1926 по 1934 г. Ликвидировано в результате введения государственной монополии на торговлю в СССР.

⁹**Зайцев Иван Георгиевич** — в 1927—1930 гг. — председатель Новосибирского окружного исполкома, в 1930—1934 гг. — 1-й зам. председателя Западно-Сибирского крайисполкома. Осенью 1934 г. был снят с должности за «полную бесхозяйственность, обман государства, разложение финансовой дисциплины в ХОЗО [хоз. отдел крайисполкома]», исключен из ВКП(б) «за буржуазное перерождение и использование служебного положения в личных интересах». Позднее был восстановлен. В 1934—1936 гг. — зам. пред. Ойротского облисполкома. В августе 1938 г. арестован по обвинению в антисоветской деятельности. Военным трибуналом СибВО 26.04.1939 г. приговорен к ВМН. Расстрелян.